

Нина Гейдэ – лирик по призванию. Её стихотворная речь – пример искренности и естественности, она чувствует своего собеседника и доверяет ему. Рифмы её точны и не вычурны, но часто обращают на себя внимание своей свежестью, поддерживающей неожиданный поворот поэтической мысли. На поэтическую мысль работают живая интонация и звук, насыщенный аллитерацией.

Д. Ч.

БЕЛЫЙ КОРАБЛЬ

Поплывём на белом корабле
по течению радости случайной.
Нарисуй у чайки на крыле
наш маршрут рассветными лучами.

Пусть случится всё, что суждено –
бури, ураганы, штили, мели.
Даже если мы пойдём на дно –
главное, что мы отплыть посмели.

Путь искусства разве не таков?
Своеволья дерзкая свобода
выбирает курс для моряков –
чудаков без племени, без рода,
одержимых тайной новизны,
в космос распахнувших жизни ставни.
Юнгой на корабль меня возьми,
парус научи по ветру ставить,

мастером суровым прослыви
в благодати самоотречения.
Путь искусства, как и путь любви –
прихоти случайной по течению

в Вечность плыть и наблюдать, как раб
предстаёт творящим властелином.
Белый ждёт на пристани корабль –
и открытий страсть неутолима.

* * *

Отражаясь в водных зеркалах,
нас природа дразнит и морочит –
то пригорка выставит кулак,
то затеет пляс по-скоморошья

разнотравьем солнечных лугов.
Всё течёт, меняется, кудесит,
а художник отразить готов
каждый штрих развёрнутого действия.

В землю врос с этюдником, как маг,
кистью по холсту ведёт упрямо –
день бегущий ловит за рукав,
ищет на убийц его управу

и творит из света и теней –
кажется, без проку и без пользы –
то, чего давно в помине нет
в образе того, что будет после.

И, бывает, в рвении своём
жизнь и смерть перемешать решится –
бросит взгляд в прозрачный водоём,
где с усмешкой Вечность отразится.

* * *

Разбег пера – пора прогулок пеших
с букетиком ромашек полевых.

Там ситцевые платища трепещут
под ветром на верёвках бельевых.

Там осы подбираются к варенью,
как сердце подбирается к любви –
чужого прорицанья наставленью
не внемлет сладость гибели в крови.

Хватает шпагу юность: лишь посмейте
встать на пути у призрачной мечты!
Там жизнь – не разорённое поместье,
там время строить – не сжигать мосты

и не скупую мерой счастье мерить –
лишь волей разыгравшихся стихий.
Там с дерзким самомнением бессмертья
для Вечности слагаются стихи.

А что же здесь? Душа ещё витает
под облаками – в шрамах болевых,
но незаметно память выцветает,
качаясь на веревках бельевых.

* * *

Уже не таясь – сладкозвучно, умело
меня зазывает последняя пропасть.
Моих сумасбродств поезда отшумели,
а я всё такая же девочка-робость.

Недавно ещё, искушая, сверкала
полночная страсть – самоцветов запасом,
и я непутёвую душу сверяла
по стрелкам часов у любви на запястье.

Но скоро в церквях удивлённо угаснет
стихиями мира сего обольщенье,
и только слегка поседевший Пегас мой
разделит со мной бытия наважденье.

И всё, что лишь мучило – но не учило
в июньском дожде растворится бесследно.

Игрушки состарились, сын стал мужчиной,
а я всё такая же девочка-лепет.

* * *

Есть что-то безнадёжное в раю
для тех, кто до конца ещё не умер.
В чужом раю, как и в чужом краю,
под каждой розой – ностальгии зуммер.

Трава не та, листва совсем не та,
не те дожди, не так цветут каштаны.
Зима не та – сплошная маята.
На санках нас не так отцы катали.

Не те дома, соседский дух не тот,
и праздники не те – застолья, песни.
Не те друзья, не тот уже полёт
в расчерченном на клетки поднебесье.

Не те моря, не тот воды глоток,
не та победоносность на престоле.
И жизнь сама – опрятный закуток,
а не просторы, Боже, не просторы.

Язык не тот – в нём не найти следов,
ведущих за незримые пределы.
И слово сокровенное «любовь»
звучит не так, как сердце бы хотело.

* * *

Метели русской письмена
на датский непереводимы.
И кажется, что нет меня
в краю, где души – невидимки,

где жизнь расходится по шву,
как тот кафтан нелепый – Тришкин.
Всё, что любила, чем живу –
уже обманывало трижды.

И Андерсена мастерство
не помогло наивной Герде
постичь комедий естество
в исконном облике трагедий.

Чужой зимы старинный хлад
судьбы меняет изначальность –
и жизнь, что вся не в склад не в лад,
чем совершенней – тем печальней.

* * *

Детства ларец тяжёл – что мне делать с ним?
Поздно колпак Пьеро серебром латать.
Даже драчун-Арлекин загрустил и сник.
Птичье перо разучилось давно летать.

Только стекляшки цветные ещё хранят
летопись кладов дворовых и пар земли.
И паруса расправляет легко фрегат,
но остаётся по-прежнему на мели.

Розы засушенной хрупкие лепестки
лепеты лета лелеют, пылинки лет.
Надо бы старую азбуку переплести,
только такой мастерской и в помине нет.

Что же с богатством делать теперь моим,
кладом смешным, старомодным моим ларцом
в мире, где детство растаяло, словно дым,
маска срослась навеки с живым лицом?

Эти сокровища детства кому отдать?
Бросится в море фантазий другой пловец?
Будет ещё кому-то светло от дат
в календаре настольном за прошлый век?

Сыну такое наследство, увы, не впрок –
в новой стране игрушки совсем не те.
Значит, моим придётся дожить свой срок
на чердаке, в забвенье и темноте.

Только когда из детской сама уйду,
мне бы хотелось последний найти приют
там, где на ёлке зимней зажгут звезду,
и паруса свою алую песнь споют.

* * *

В пенных волнах цветущего сада
отгоняй совершенства напасть.
Жизнь – утряска, усушка, усадка,
переварка того, что так сладко
с тем, что горестно – впрок, про запас.

Как на гребне любви удержаться? –
ураганов недолог завод.
Жизнь стремится смириться, ужаться,
да к тому же и лодочка счастья
легче в водах стоячих плывёт.

* * *

Любить на расстоянии – обман.
Жар виртуальный так лукав и душен –
как будто воду пьёшь сквозь целлофан
в иллюзии, что оживляешь душу.

На самом деле – губишь день за днём
по капельке, не выпитой губами,
по вечеру не за одним столом,
по ночи не в одной небесной бане.

Любить на расстоянии – обмен
живых цветов на икебану в вазе.
Несбывшимся желаньем перемен
никто друг с другом истинно не связан.

Любить на расстояньи – не любить.
Облепленная роем отговорок,
как мошкаррой, я не могла слепить
совместность нашу – жертвующим вором.

Бескрайних расстояний провода
теперь гудят бедой во тьме осенней,
и расставанья мёртвая вода
всё прибывает – и не жди спасенья.

* * *

На плёнку души сними,
пока ещё миг мы тут,
матрёшечный мир семьи,
его расписной уют.

В последней матрёшке – смерть:
достанешь – и будет жизнь.
Таков бытия замес
и небытия режим.

Космический ждёт вокзал.
Бывает ли в звёздах сбой?
И можно ли будет взять
те снимки любви с собой?

* * *

Я была козой, я щипала траву обид,
и горчило моё молоко, уходило в землю.
Я топталась на месте и видела, как парит
надо мной стрекоза, отдаваясь сполна веселью.

Я была козой, а сделалась стрекозой.
Я сказала себе, что буду порхать отныне.
Я летаю над лугом, и я золотой призёр
в поединке с земным тяготеньем и мхом унынья.

Я взираю на коз, как на малых детей мудрец,
Вижу, как муравей, надрываясь, былинку тащит.
Он завидует мне, но боится: придёт конец
легкокрылому лету – и что тогда делать дальше?

Ну а я продолжаю в ладонях у солнца петь.
А накатит зима – да подумаешь, что за морока?

Я сказала себе безмятежно, что выбор есть:
побыла стрекозой – превращусь потом в зимородка.

* * *

В какие игры мы играем, Боже мой,
в преддверье третьей молодости нашей
в обход судьбы – цепной, сторожевой
волчицы, ненароком задремавшей

на итальянском солнце, где закат
мы своевольно развернули к полдню –
ведь на любовь бессмертную заказ
был с роковой задержкою исполнен,

зато так щедро радости черпак
вливает мёд в витой сосуд объятий.
Мы к юности залезли на чердак –
И ярких чувств, как новых кружев к платью,

набрали, чтобы будни поразить
опять на счастье возрождённой модой –
пускай клюкой из подпола грозит
обманутая старость-Квазимодо.

Как льну к тебе заласканной женой –
в моих глазах растаяли снежинки.
В какие игры мы играем, Боже мой! –
и эти игры драгоценней жизни.

* * *

Не сдавайся, молодость, не сдавайся –
в ткани пёстрые одевайся,
пританцовывай, куролесь,
дней раскручивай карусель.

Не сдавайся, молодость, не сдавайся –
жизнь кружи в белоснежном вальсе.
Учащай наваждений пульс:
что безумно – случится пусть.

Не сдавайся, молодость, не сдавайся,
перемажься в меду, не в ваксе.
Ошибайся – дерзи – дерзай,
свой твори бытия дизайн.

Не сдавайся, молодость, не сдавайся –
в чувства яркие одевайся.
Будет время плетью лупить –
главный дар сохрани: любить.

Нина Косман. Мой дом на краю мира.
Холст, акрил, 13X18.